

Copyright © 2015 by Sochi State University

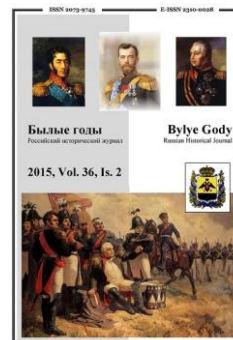
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 238-244, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 902–904+39 (571.1)

Metallic Masks from the River Tym

¹ Natalya V. Toroshchina² Anna I. Bobrova¹ National Research Tomsk State University, Russian Federation

634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 36

E-mail: natator@mail.ru

² M.B. Shatilov Tomsk Regional Local History Museum, Russian Federation

PhD (History)

634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 75

E-mail: a_bobrova@bk.ru

Abstract

Anthropomorphic masks and “dolls” found in the archaeological monuments of Western Siberia is a phenomenon that is rare but well-known. Mapping them allows us to identify Surgut and Narym Priobyas as the places of their concentration, starting from the early Middle Ages. In Narym Priobyas, in the territory once inhabited by the ancestors of Southern Selkups, the tradition of making dolls and metallic masks has found reflection in two repositories of the period between the late Middle Ages and the Modern Age, Tiskinsky and Bederevsky Bor II, and survives into ethnographic modernity. A “doll” from Grave No. 43 attests to the existence of a custom of making effigies of the dead – the itterma. Tin masks from Grave No. 19 belong to the category of family or shaman guardian spirits.

Keywords: West Siberia; Tym; Bederevsky Bor; Selkups; metal masks; protecting spirit; itterma.

Введение

В археологических памятниках Западной Сибири находки «кукол» и металлических антропоморфных личин явление довольно редкое. В указанном регионе первые бронзовые отливки антропоморфов появляются в эпоху раннего железного века. Есть они и в памятниках средневековья, причем, эти изображения исследователями рассматриваются в качестве кукол мертвых и иттерма [1, 2; 3]. На территории Томской области антропоморфные куклы и маскоиды обнаружены в погребениях XV–XVIII вв. в могильниках – Тискинском на р. Оби и Бедеревском Бору II на р. Тым [4]. Особый интерес представляют находки с Тыма, где, в отличие от изображений предшествующего времени, личины выполнены из других материалов и в иной технике. Их описанию и интерпретации авторы уделяли внимание [5], однако, феномен обнаружения личин, уникальных для позднего средневековья, позволяет вернуться к данной теме с целью осмысления их использования в ритуале погребения.

Значение таких предметов в архаичной традиции, вычленение локальных особенностей и универсалий в практике их изготовления, хранения и отношения к ним, представляют особый интерес. «Необычные» и культовые предметы из погребений, часто атрибутируются как «шаманские», несмотря на то, что вещный мир ритуальной сферы бытия чрезвычайно разнообразен. Поэтому изучение ритуальных предметов предполагает определенную последовательность процедуры исследования, в которой должны найти отражение: условия нахождения, типологический (иконографический) анализ, предполагаемое функциональное назначение предметов, их семантика. После проведения этих процедур возможно построение «архетипической» модели и ее соотнесение с этнографическими материалами [6, с. 328, 334].

Материалы и методы

В соответствии с поставленными задачами был проведен анализ металлических антропоморфных личин из могильника Бедеревский Бор II, который находится на берегу р. Могильной, правом притоке р. Тым, в Каргасокском районе, Томской области. Большая часть исследованных объектов (51 могила из 60), судя по инвентарю и присутствию предметов массового «русского привоза», возникла в XVII в., последние захоронения были произведены в первой половине XVIII в. Могильник расположен на территории бывшего расселения нарымских селькупов «чумьлькуп», которых относят к тымскому диалекту центрального ареала [7, с. 50–52]. Специфическими чертами их погребального обряда в это время был грунтовый способ захоронений и обряд повторных похорон.

Металлические личины (маскоиды) обнаружены в двух могилах – № 19 и № 43 (рис. 1). Различное их положение по отношению к останкам, иконография и состав металлов потребовали дополнительного обращения к контексту погребальных комплексов.

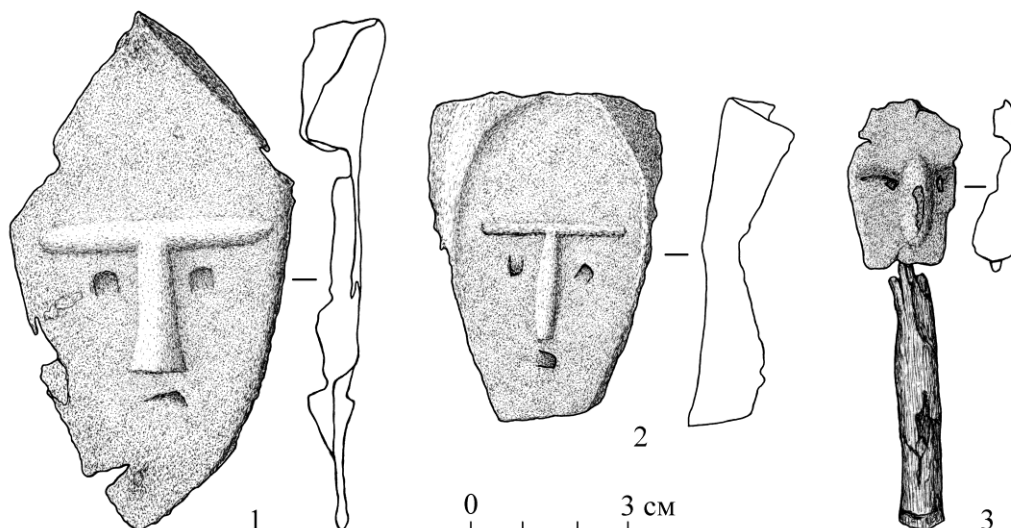

Рис. 1. Металлические личины. Могильник Бедеревский Бор II: могила № 19: 1 – верхняя личина, 2 – нижняя личина; могила № 43: 3 – кукла (1–2 – жечь, 3 – свинец, дерево)

Личины обнаружены в могилах мужчин 40–50 лет (определения специалистов кабинета антропологии Томского государственного университета). Оба захоронения выполнены по обряду вторичных похорон, который предполагает сохранение тела покойного и последующее предание его земле.

Могила № 19 (3,3×1,3 м) занимала центральное положение в первом ряду, сверху она была перекрыта жердями. На глубине 0,5 м зафиксированы остатки древесного тлена, череп и часть грудного отдела (*in situ*) в северо-западном конце могилы. В юго-восточном ее конце концентрировались остальные кости скелета, и была выявлена прикомлевая часть ствола дерева, рядом с которым при снятии дерна и были обнаружены два маскоида, вложенные один в другой. Условия их обнаружения позволяют сделать вывод о том, что они были оставлены на могиле, спустя какое-то время.

Могила № 43 (2,2×0,7 м) располагалась в третьем ряду, и, следовательно, возникла позднее могилы № 19. На ее дне сохранились две поперечины и остатки дощатого ящика, в юго-восточном конце могилы *in situ* найдены кости черепа и верхнего отдела позвоночника. Там же в пятне органики лежали личина и деревянная палочка. В другой половине могилы на глубине 0,4–0,8 м зафиксированы остальные кости.

Инвентарный комплекс могил беден: в одной найден нож; в другой – металлическая личина, гладко оструганная палочка, серьга, медные накладки, нож. Однако количественный и качественный состав находок нельзя с уверенностью считать полным, так как при обряде повторных похорон при перезахоронении останков часть предметов могла быть утрачена, целостность и сохранность других (и самих останков) могла быть нарушена.

Личины различаются по материалу изготовления и иконографии. Маскоиды с могилы № 19 (рис. 1, 1, 2) сделаны из листовой жести. Способом холодного тиснения на пластины нанесены Т-образные брови, близко посаженные глаза, прямой и длинный нос, рот. Брови и нос выдавлены изнутри, глаза и рот выбиты с лицевой стороны. Верхний имеет подтреугольный овал лица, вытянутый подбородок, остроугольное оформление головы (рис. 1, 1). У нижнего контуры лица

овальные, рот слегка приоткрыт, подбородок, и верхняя часть головы срезаны по горизонтали (рис. 1, 2). Различия подчеркивает отсутствие у нижнего маскоида остроугольного завершения головы (убора или волос). Края обеих пластин загнуты внутрь, что свидетельствует о наличии деревянной основы, на которую они крепились. Соподчиненность образов, выбитых на пластинах, и порядок их наложения друг на друга, судя по всему, изначально учитывались при изготовлении.

В могиле № 43 взаиморасположение личины и круглой палочки среди органических остатков позволяет идентифицировать их с куклой, захороненной вместе с покойным. Лицо куклы сделано из свинцовой пластины (рис. 1, 3), наложенной на деревянную основу в нагретом состоянии. Хорошо читаются выступающий лоб, длинный мясистый нос, выпуклые щеки. Подбородок, возможно, был обрезан, как и у нижнего маскоида с могилы № 19. Нос выдавлен изнутри, глаза и рот выбиты с лицевой стороны, и выполнены в той же манере и технике, что и на пластинах из жести. Правый край загнут, левый обломан.

Включение личин в предметный комплекс могил могло быть продиктовано личностными особенностями или профессиональными качествами покойных, их социальным статусом, обстоятельствами или характером смерти. Несомненно одно: их присутствие отражает особое прижизненное положение данных мужчин в социуме, что повлекло за собой проведение разных действий при погребении и после похорон.

Обсуждение

В целом, для иконографии личин с Бедеревского Бора II характерны архаичность облика, упрощенная трактовка лица, стилизация. Суровым и строгим выражением лица они сближаются с культовыми скульптурами богов и духов самодийских и обско-угорских народов, у которых оформление мужского лица выполнялось по традиционным канонам: Т-образная линия надбровных дуг, плоские щеки, прямой нос, остроугольное завершение головы. Лица женщин имели более мягкие, плавные контуры, прямое или овальное завершение головы. Эти приемы использовали тымские селькупы при изготовлении духов-покровителей. Большинство скульптур из Лымбельского культового амбарчика, хранящихся в Колпашевском музее, имеет остроугольное завершение головы, деревянные духи с Ыйского культового места были круглоголовыми [8, с. 97–109; 9, с. 145–146]. Ближайшие соседи селькупов, васюганские ханты, аналогичным образом вытесывали своих домашних духов. «Женские» приемы использовали манси при оформлении деревянной скульптуры «работников», «караульных», «слуг» основных духов-предков. Таким образом, принцип оформления верхней части головы антропоморфов, вплоть до новейшего времени, оставался важнейшим символом, зрительно связанным с образом и рангом божества [10, с. 144–145]. Остроголовость бронзовых антропоморфных личин раннего средневековья исследователи считают символом боевого сфероконического шлема воинов-богатырей. Есть и иное объяснение, связанное с практикой деформации черепов в начале I тыс. н.э. у привилегированной части западносибирского общества [11, с. 84–87].

Традиция изготовления антропоморфных личин в Западной Сибири имеет глубокие корни. Ее появление в Томско-Нарымском Приобье связано с носителями кулайской культуры [1, с. 41–44, 74–76], в раннем средневековье эту традицию продолжило население релкинской культуры, антропоморфное литье которого отражало их представления о мифических героях и героях-богатырях. Л.А. Чиндина отмечает, что в могильнике Рёлка практиковался и обычай погребения кукол: антропоморфные личины исследователь связывает с масками для кукол, выполнявших роль вместилищ души [3, с. 41–48, 98].

Деревянные антропоморфные куклы с личинами того же времени обнаружены на поселенческих и могильных комплексах Сургутского Приобья [2, с. 26–52]. Сайгатинских кукол с остроголовыми личинами Н.В. Черкасова интерпретирует, как посмертные изображения почитаемых предков-воинов [12, с. 24]. К.Г. Карачаров считает, что изготовление куклы и помещение ее в могилу могли означать, как «смерть» самого изображения, так и олицетворяемой им души (духа) или человека, поэтому он выделяет изображения умерших, живых людей и божков [2, с. 45–49].

А.И. Боброва считает позднесредневековые тискинские куклы, с лицами из свинцовых пластин, вместилищами душ особо почитаемых предков и шаманов [4]. Куклы, с лицами из оловянных решеточек, и личины из жести из хантыйско-ненецкого кладбища Халас-Пугор, по мнению О.А. Мурашко и Н.А. Кренке, отражают существование обрядовой нормы помещения изображений умерших в могилы [13, с. 64]. В источниках о северных остяках XIX в. сохранились сведения о домашних «болванах», которым «рожи приделывают, высеченные на тонком железе». Такие изображения сохранились до наших дней [14, с. 91].

Возможности интерпретации антропоморфов, кукол и личин в архаичной традиции аборигенного населения и особого отношения к ним значительно возрастают с использованием этнографических параллелей. В связи с этим, особо следует отметить, что обычай изготовления антропоморфных изображений сохранялся у селькупов р. Тым и в советское время. В семейных и родовых культовых амбарчиках хранились их духи – изображения предков и бывших шаманов. Им служили и находились вместе с ними духи-помощники антропо- и зооморфного облика. Действия духов-покровителей охватывали район влияния семьи и рода. От их благосклонности и

расположения зависели здоровье и жизнь селькупов. Кроме того, каждая семья имела и своих семейных кукол-двойников. По представлениям селькупов одна из душ, после некоторого пребывания в теле человека-хозяина, переселялась в куклу – деревянное антропоморфное изображение, которое сопровождало человека на протяжении его жизни. После смерти хозяев их уничтожали – сжигали или бросали в воду [15, с. 58–60].

Помимо кукол-двойников, антропоморфными изображались семейные (домашние) духи-идолы «кава-лозы», призванные охранять своего хозяина, заключая в себя злых духов, беды и болезни. Среди этой категории различались «кава-лозы» обычных людей и шаманов. Изображения старейших и уважаемых мужчин становились предками-покровителями и их хранили в переднем углу дома. У южных селькупов для хранения кукол покойных шаманов существовали специальные места: на р. Тым в окрестностях пос. Компас, на р. Кети около юрт Лукьяновских, на р. Оби около юрт Ласкиных и на р. Васюган около юрт Старо-Югиных [15, с. 66].

Практика изготовления после смерти человека куклы умершего известна многим сибирским этносам. Изображение воспринимается ими, как вместилище одной из душ покойного. У обских угров это душа-тень – итэрма (иттарма), у селькупов – кэдо, у ненцев – сидрянг, у кетов – дангольс. Материал, размеры, технологические приемы, время изготовления и хранения куклы различались. Их делали из дерева, ткани, камня, отливали из свинца, вырубали из жести. Размеры кукол варьируют от длины ладони до 30–40 см. В отличие от безликих родильных кукол, кукол-игрушек иттерма всегда делали с «лицом», обозначая его бляшкой, пуговицей или монетой из светлого металла [16, с. 195]. Главным ее свойством, как считает Т.А. Исаева, была материальная связь с умершим. Она проявлялась в использовании одежды и волос покойного при изготовлении куклы [16, с. 188, 195].

О судьбе изображений существуют противоречивые сведения. Есть сведения о том, что их зарывали на кладбище, помещали в «гробницу» покойного, иногда для них делали амбарчики. Манси и северные ханты после погребения человека в течение 2–2,5 лет хранили куклу в коробке или сундучке в доме покойного. Ее одевали, «кормили», переносили на ночь на спальное место умершего. По истечении этого срока, душа, находящаяся в иттерма, возрождалась, и тогда судьба ее решалась окончательно. По материалам З.П. Соколовой, иттерма детей, девушек и молодых женщин хоронили в могиле или в лесу [17]. У сосвинских манси кукла наследовала и хранила старейшая женщина. После ее смерти их хоронили вместе с ней.

Иттерма шаманов и уважаемых стариков становились духами-покровителями семьи, поэтому их хранили в священном сундуке или же оставляли под деревом на святилище. По мнению А.В. Бауло, большинство изображений умерших переходило в состав духов-предков, охраняющих семью, а иттерма шамана «поклонялись, как божеству» [14, с. 98]. Церемония перехода иттерма в домашнего духа-охранителя у сынских хантов подробно описана Н.М. Талигиной [18]. Судьба души покойного определялась шаманом: если она соглашалась стать духом-покровителем, то устраивали жертвоприношение с участием духов и иттерма. В момент принесения в жертву животного происходил переход вместилища души иттерма в домашнего духа-охранителя, после чего ее помещали к домашним духам [18, с. 96].

У ненцев представления об иттырма (иттерма) и способах ее изготовления разнятся по этнотерриториальным группам, но, практически во всех, после смерти человека изготавливали куклу и хранили ее вечно. В память об умершем шамане делали его скульптурное изображение и включали в число семейных духов-предков, но не хоронили. У ненецких родов хантыйского происхождения после смерти человека вытесывали изображение «сидрянг», которому вместо лица вставляли металлическую пластину. Спустя три года изображение хоронили отдельно от покойного в особом ящичке вблизи его гроба [19, с. 220–221].

Результаты и заключение

С учетом сказанного, можно сделать вывод о том, что в Приобье обычай изготовления антропоморфов имеет глубокие корни, и существовал уже в эпоху раннего железного века. Истоки специфического отношения к предметам, связанным с телом покойного и его душой, возможно, следует искать в культурах Южной Сибири. Изготовление куклы, как вместилища души умершего, и различные манипуляции с ней, особенно ярко проявились в погребальной практике носителей таштыкской культуры. В I–IV вв. они, наряду с кремацией отдельных лиц, практиковали изготовление погребальных кукол, которые являлись заменителем тела покойного и, вполне вероятно, конкретным вместилищем его души [20, с. 21–31].

Многообразие антропоморфных изображений, позволяющее по-разному их интерпретировать, а также разветвленная, иерархическая система многочисленных духов и различия в трактовке их качественных характеристик, не способствуют однозначности определения среди них места личин с Бедеревского Бора II. Однако сам факт их присутствия в могильнике свидетельствует об отношении к ним, как к изображениям душ умерших. Так, кукла из могилы № 43, по аналогиям с этнографическими материалами, вероятно, является вместилищем души умершего обычного человека – иттерма, похороненной вместе с покойным. Маскоиды с могилы № 19, возможно, были связаны с категорией шаманских духов-покровителей или духов-предков. Не исключено, что они

принадлежали изображению духа – помощника шамана. Данному предположению не противоречит присутствие в одном ряду с этой могилой захоронения шамана, после смерти которого изображение его духа-помощника могло быть оставлено под деревом на родовом кладбище. По иконографии и оформлению головы маскоиды обнаруживают значительную близость антропоморфным деревянным скульптурам и металлическим изображениям семейных и родовых духов тымских селькупов, большинство из которых было остроголовыми.

Различия в иконографии маскоидов и присутствие разнополюх (?) изображений в едином комплексе, найденном *in situ*, могли быть связаны и с изображениями легендарных богатырей-предков, отличительной чертой которых была «остроголовость». Хорошо известно, что лица таких идолов часто покрывали металлом, своего рода маской.

Аналогий способу одноактного изготовления металлических личин и наложения их друг на друга в культовой практике сибирских народов не выявлено. Специфика в их иконографии может объясняться гендерными различиями существ, которым предназначались маскоиды. В связи с распространенным явлением травестиизма в сибирском шаманстве [15, с 33], после смерти шамана это свойство мог сохранять его дух-помощник. В таком случае наличие разнополюх личин, вложенных одна в другую, отражает представления о двуедином образе духа – помощника шамана.

По иконографии тымским маскоидам особенно близки изображения «богов» и «болванов» с Нижней Оби, с высеченными на тонком железе «рожами», и деревянные фигуры духов с лицами, закрытыми железными масками [14, с. 91–93]. Поэтому интерпретация их в качестве семейных или родовых духов-предков, на наш взгляд, обоснована.

Находки маскоидов и куклы с личиной из могильника Бедеревский Бор II свидетельствуют о том, что в погребальной практике предков тымских селькупов сформировались представления о душе умершего и духах-помощниках. Эти представления настолько близки представителям обско-угорского мира, что позволяют предполагать наличие общего мировоззренческого пласта в культуре таежных обитателей Среднего Приобья.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект № 2059: Изучение историко-культурного наследия России (сибирский аспект).

Примечания:

1. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 254 с.
2. Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // *Материалы и исслед. по истории Северо-Западной Сибири*. Сб. науч. тр. / Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 26–52.
3. Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 193 с.
4. Боброва А.И. Берестяные свертки с куклами из Тискинского могильника // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории / Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 9–10.
5. Боброва А.И., Торощина Н.В. Антропоморфные личины из могильника Бедеревский Бор II // *Вестн. Том. гос. ун-та (История) / Изд-во Том. ун-та*. 2013. № 2 (22). С. 18–21.
6. Савинов Д.Г. Ритуальный предмет/изображение (о дифференцированном подходе к интерпретации) // II Северный Археологический Конгресс. Доклады. Ханты-Мансийск. Екатеринбург: Изд-во Чароид, 2006. С. 322–337.
7. Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка / Тучкова Н.А., Глушков С.В., Кошелева и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 318 с.
8. Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея: Каталог. Томск: Изд-во Ветер, 2007. 280 с.
9. Ким А.А. Духи и души тымских селькупов (по заметкам этнографа Р.А. Ураева) // *Земля каргасокская*. Сб. научно-популярных очерков. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1986. С. 140–147.
10. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народов манси. Культурные места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 190 с.
11. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск: Наука, 1989. 176 с.
12. Черкасова Н.В. Средневековые тонгхи Западной Сибири // *Духовная культура Урала: Тез. докл. науч. конф.* Свердловск, 1987. С. 22–25.
13. Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. М.: Наука, 2001. 155 с.
14. Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов. Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. № 1 (17). С. 89–101.

15. Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5–70.
16. Исаева Т.А. Кукла в игре и сакральном пространстве (по материалам исследований традиционной культуры ханты) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург–Сургут: Изд-во Магеллан, 2007. С. 186–196.
17. Соколова З.П. Иттерма. Мифология манси // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 2. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 59–60.
18. Талигина Н.М. Обряды жизненного цикла // Сынские ханты. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 82–98.
19. Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. С.-Пб.: Русский двор, 1995. 335 с.
20. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. С.-Пб.: Изд-во Центра Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.

References:

1. Chindina L.A. The Ancient History of the Middle Ob Region in the Iron Age. Tomsk. Gos. Un-ta Publ., 1984, 254 p. (In Russian).
2. Karacharov K.G. Anthropomorphic Dolls with Masks of VIII–IX Centuries from the Suburbs of Surgut // Proceedings and Studies on the History of Northwestern Siberia. Collection of Scientific Papers / Yekaterinburg: Publishing House of the Urals University, 2002, pp. 26–52. (In Russian).
3. Chindina L.A. Relka Burial Mound in the Middle Ob Region. Tomsk. Gos. Un-ta Publ., 1977, 193 p. (In Russian).
4. Bobrova A.I. Birch Bark Bundles with Dolls from the Tiskinsky Burial Mound // The Cultural Space in the Archeological and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories / Proceedings of XII Western Siberian Archeological and Ethnographic Conference. Tomsk. Gos. Un-ta Publ., 2001, pp. 9–10. (In Russian).
5. Bobrova A.I., Toroshchina N.V. Anthropomorphic masks from burial ground Bederevsky Bor II // Tomsk state University journal of History // Tomsk. Gos. Un-ta Publ. 2013, vol. 2 (22), pp. 18–21. (In Russian).
6. Savinov D.G. Ritual Object / Image (Differentiated Approach to Interpretation) // II Northern Archeological Congress. Reports. Khanty-Mansiysk Yekaterinburg: Publishing House Charoid, 2006, pp. 322–337. (In Russian).
7. Tuchkova N.A., Glushkov S.V., Kosheleva E.Yu., Golovnev A.V., Baydak A.V., Maksimova N.P. The Selkups. Essays on the Traditional Culture and the Selkup Language. Tomsk. Polytechnic Un-ta Publ., 2011, 318 p. (In Russian).
8. The Selkup Ethnographic Collection of the Kolpashevo Local Museum: Catalogue. Tomsk: Publishing House Veter. 2007, 280 p. (In Russian).
9. Kim A.A. Spirits and Souls of the Tymusk Selkups (based on Proceedings of Ethnographer R.A. Uraev) // Kargasok Land. Collection of Popular Science Essays. Tomsk. Gos. Un-ta Publ., 1986. pp. 140–147. (In Russian).
10. Gemuev I.N., Sagalaev A.M. The Religion of the Mansi People. Sacred Sites (XIX – early XX). Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, 190 p. (In Russian).
11. Gemuev I.N., Sagalaev A.M., Solovyev A.I. Legends and True Stories of the Taiga Land. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, 176 p. (In Russian).
12. Cherkasova N.V. Medieval Tongkhas of Western Siberia // Spiritual Culture of the Urals: Abstract of the Paper for the Scientific Conference Sverdlovsk, 1987, p. 22–25. (In Russian).
13. Murashko O.A., Krenke N.A. The Culture of Indigenous People in the Obdorsk North of XIX Century. Moscow, Nauka Publ., 2001, 155 p. (In Russian).
14. Baulo A.V. Home (Family) Sanctuaries of Northern Khanty People. Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. Novosibirsk: Publishing House of the Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2004, vol. 1 (17), pp. 89–101. (In Russian).
15. Pelikh G.I. Proceedings for the Selkup Shamanism // Ethnography of the Northern Asia. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, p. 5–70. (In Russian).
16. Isaeva T.A. The Doll in the Culture and SacredSpace (Based on the Studies of the Traditional Culture of the Khanty // Myths, Rites and Ritual Objects in the Antiquity. Yekaterinburg–Surgut: Publishing House Magellan, 2007, p. 186–196. (In Russian).
17. Sokolova Z.P. Itterma. Mythology of the Mansi // Encyclopedia of the Urals Mythology. Vol. 2. Novosibirsk: Publishing House of the Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2001, pp. 59–60. (In Russian).
18. Taligina N.M. Rites of the Life Cycle // The Synsk Khanty. Novosibirsk: Publishing House of the Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005, pp. 82–98. (In Russian).
19. Homich L.V. Nenets. Essays on the Traditional Culture. Saint-Petersburg: Russky Dvor, 1995, 335 p. (In Russian).

20. Vadetskaya E.B. Tashtyk Age in the Ancient History of Siberia. Saint-Petersburg: Publishing House of the Saint-Petersburg Center of Oriental Studies, 1999, 440 p. (In Russian).

УДК 902–904+39 (571.1)

Металлические личины с реки Тым

¹ Наталья Витальевна Торощина

² Анна Ивановна Боброва

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томск

Инженер-исследователь

E-mail: natator@mail.ru

² Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, 75

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

E-mail: a_bobrova@bk.ru

Аннотация. Находки антропоморфных личин и «кукол» в археологических памятниках Западной Сибири – явление довольно редкое, но известное. Их картографирование позволяет выделять Сургутское и Нарымское Приобья в качестве места их концентрации, начиная с эпохи раннего средневековья. В Нарымском Приобье, на территории расселения предков южных селькупов, традиция изготовления кукол и металлических личин нашла отражение в могильниках позднего Средневековья – Нового времени Тискинском и Бедеревский Бор II и доживает до этнографической современности. «Кукла» из могилы № 43 свидетельствует о существовании обычая изготовления изображений умерших-иттерма. Личины из жести с могилы № 19 относятся к категории семейных или шаманских духов-покровителей.

Ключевые слова: Западная Сибирь; Тым; Бедеревский Бор; селькупы; металлические личины; духи-покровители; иттерма.